

ПРЕДИСЛОВИЕ

Патрик Бьюкенен — известный американский политик и серьезный исследователь. Окончил Джорджтаунский университет. В 1969–1974 гг. был помощником и референтом президента Р. Никсона. В 1974 году — советником президента Дж. Форда. В 1985–1987 гг. — руководитель отдела по связям с общественностью в администрации президента Р. Рейгана.

С 1983 года Патрик Бьюкенен является президентом фонда «Американское дело». Баллотировался в кандидаты в президенты США в 1992 и 1996 гг. от Республиканской партии и в президенты в 2000 г. от Реформистской партии.

Как отмечает исследовательница его творчества Ирина Гривастова, в своих книгах и статьях Бьюкенен касается самых разных актуальных и злободневных для граждан США проблем из области как внешней, так и внутренней политики. Общенациональную и мировую известность Бьюкенену принесла вышедшая в 2002 г. работа «Смерть Запада». По мнению Бьюкенена, США и всей западной цивилизации (к которой он относит и Россию) угрожает целый ряд опасностей. Среди них: катастрофическое падение рождаемости, отказ от традиционных ценностей, война с собственным прошлым и историческим наследием, неконтролируемая иммиграция из стран третьего мира. Все это, на взгляд автора, может поставить Западный мир на грань гибели. Учитывая падение рождаемости, европейцы, по словам Бью-

кенена, становятся «вымирающим видом»: «Запад умирает. Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. С самой Черной Смерти, выкосившей треть Европы в четырнадцатом столетии, мы не сталкивались с опасностью серьезнее. Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию... Католики, протестанты, православные — все они участвуют в грандиозной похоронной процессии западной цивилизации».

* * *

Стоит отметить, что вовсе не Бьюкенен первым затронул эту проблему. Еще О. Шпенглер в далеком 1933 г. предсказал появление проблем, в частности демографических, с которыми сегодня все чаще и чаще сталкиваются США и Европа. Еще ранее похожие идеи — оказавшиеся довольно точным прогнозом — высказал в конце XIX в. Макс Нордау в работе «Вырождение». Схожие идеи встречаются и в работах современников Бьюкенена — С. Хантингтона и З. Бжезинского. Одной из причин этого, по словам Бьюкенена, является растущая феминизация западного общества, а также трансформация общества, формирование нуклеарной семьи и культа деловой женщины. «Вставая перед выбором, женщины выбирают или только карьеру, или карьеру и однократную радость материнства. Глобальная экономика отнимает у западных народов трудоемкую работу в пользу низкооплачиваемых народов Азии и Латинской Америки... В итоге детей забрасывают, если не забывают о них раз и навсегда».

Кроме того, Бьюкенен поставил вопрос о существовании целого ряда других проблем, по его мнению, угрожающих стабильности американского общества. В частно-

сти, это проблема войны с собственным прошлым, которая ведется в американских школах и университетах. По словам Бьюкенена: «Американские общеобразовательные школы призваны воспитывать граждан и патриотов, которые смогут защитить в случае необходимости свою страну. Эти школы должны научить детей любви к Америке... Чем сильнее любовь к стране, тем острее желания навсегда остаться ее частичкой, жертвовать собой во имя своей страны, даже умирать за нее, если понадобится, защищать ее народ как собственную семью». Однако современное американское образование воспитывает в детях лишь ненависть к собственной стране и истории. Нападкам подвергаются герои прошлого — Д. Вашингтон, Т. Джефферсон, Э. Джексон, Д. Крокетт.

Бьюкенен также обратил внимание на процесс «дехристианизации» США: «К двадцать первому веку дехристианизация общества завершится. Празднование Пасхи, рождественские представления и гимны, христианские книги, фильмы, процессии исчезнут не только из школьных программ, но и, как говорится, из обихода».

* * *

После этого Бьюкенен выпустил еще ряд книг. В 2004 г. была опубликована работа «Правые и не-правые», посвященная внешней политике администрации Дж. Буша-мл., который, по мнению Бьюкенена, находился под значительным влиянием неоконсервативных идеологов. С точки зрения Бьюкенена, Республиканская партия, попав под контроль неоконсерваторов, в значительной степени перестала отвечать интересам своего традиционного электората и быть защитницей консервативных ценностей: «Партия приняла „новоимперскую“ внешнюю политику, которую отцы-

основатели сочли бы отступлением от веры. Партия отринула философию Тафта, Голдуотера и Рейгана и превратилась в партию „большого правительства“, за которую долго ратовали рокфеллеровские республиканцы...»

По мнению Бьюкенена: «Мы должны отказаться от имперских амбиций, вернуть домой наших солдат, разорвать соглашения, восходящие к временам «холодной войны», которая закончилась пятнадцать лет назад. Будучи величайшей в истории республикой, Америка никогда не провозглашала и не станет провозглашать своей политикой самоизоляции. Но мы должны отказаться от бесконечных интервенций...»

В 2006 г. была опубликована книга «На краю гибели», посвященная нелегальной иммиграции, в первую очередь латиноамериканской. По утверждению Бьюкенена, США угрожает невиданная опасность в лице миллионов легальных и нелегальных иммигрантов: «Америка на пороге экзистенциального кризиса. Если мы не наведем порядок на границе, к 2050 г. американцы европейского происхождения окажутся меньшинством в стране, которую создали и построили их предки...»

Но помимо сугубо демографических проблем, помимо изменения хрупкого расового и этнического баланса, эта миграционная волна несет и другие опасности Америке: «Мы постепенно становимся тем, от чего нас предостерегал президент Рузвельт, — многоязычным, мультирасовым, мультиэтническим, мультикультурным Вавилоном. К восторгу антиамериканцев всего мира и при равнодушном попустительстве наших элит мы сползаем к балканизации Америки и к уничтожению государства».

Иными словами, Америка от государства с населением преимущественно белым, протестантским и обладающим американской идентичностью, превращается в клу-

бок враждующих между собой расовых, религиозных и этнических общностей.

П. Дж. Бьюкенен, по сути, сформировал целое направление в современной американской политологии, базирующееся на традиционных ценностях и критике существующей политической системы. Взгляды, защищаемые Бьюкененом, пользуются поддержкой в американском обществе.

* * *

Отношение П. Бьюкенена к В. Путину определяется тем, что Путин, по мнению Бьюкенена, является защитником традиционных ценностей христианского мира и в целом западной цивилизации. Бьюкенен пишет:

«По моей оценке, Владимир Путин — это кровь и земля, алтарь и трон этнического национализма, видящий в себе защитника России и смотрящий на русских за границей так, как израильтяне смотрят на евреев за рубежом, полагая, что их безопасность — это вполне легитимная забота Израиля.

Вспомните тот мир, который со своих выигрышных позиций увидел Путин, когда он пришел к власти после десяти лет правления Бориса Ельцина. Он увидел, как матушку Россию грабят олигархи, подстрекаемые своими друзьями-капиталистами с Запада, в том числе из Америки. Он увидел, как миллионы русских остались за пределами своей страны, оказались в сложном положении от Прибалтики до Казахстана. Он увидел, как Соединенные Штаты обманули Россию, пообещав ей не продвигать НАТО в Восточную Европу, если оттуда уйдет Красная Армия, а затем воспользовались уходом России и привели Североатлантический альянс прямо к ее порогу».

Бьюкенен говорит о глобальном распространении «политической философии Путина» — идеологии, которая будет противостоять «новому мировому порядку» Буша-старшего, «глобальной гегемонии» неоконсерваторов, «крестовому походу демократии» Буша-младшего и идее американской исключительности Обамы.

По мнению Бьюкенена, эта новорожденная идеология вытекает из принципов политики, которую проводит российский лидер Владимир Путин. Основными ее чертами является жесткое следование национальным интересам своей страны, а также консервативная пронациональная политика.

Приверженцы этой новой идеологии сегодня стоят во главе Японии, Китая, Индии, Турции и Египта.

Кроме того, отмечает Бьюкенен, националистические политики появляются и в Европе, например во Франции и Венгрии. Например, премьер-министр Венгрии как-то заявил, что Россия служит для него образцом его собственно «нелиберального государства».

У всех этих лидеров есть ряд общих характерных черт. Все они, пишет автор, сильные национальные лидеры, приверженцы социального консерватизма, к которому испытывает отвращение западные демократии. Более того, все они выступают резко против навязываемой Америкой идеи «исключительной нации» и «сверхмощного глобального лидера».

Бьюкенен заключает, что идеология патриотизма и социального консерватизма набирает популярность в Центральной, Западной Европе, а также среди рядовых граждан США, и в связи с этим популярность Владимира Путина будет только увеличиваться.

Введение

МОЖЕТ ЛИ АМЕРИКА УКАЗЫВАТЬ «ПУТЬ К ПРОГРЕССУ»

(из книги П. Бьюкенена «Правые и неправые»)

Зенит могущества или начало упадка?

Даже Британская империя в пору своего наивысшего могущества не доминировала в мире так, как доминирует сегодня Америка. Башмаки американских солдат топчут земли, на которые никогда не ступала нога воинов королевы Виктории. Наши военные корабли заходят в порты всех континентов. Наши военные технологии на многие десятилетия опередили технологии других народов. Наш ВВП составляет 30 процентов мировой экономики. Бренды напитков «Кока-колы», «Макдональдса» и «Ливайса» известны повсеместно, от Катманду до Курдистана. Музыка, которую слушает молодежь во всем мире, — американская или написанная ей в подражание. Американцы ежегодно получают львиную долю нобелевских премий в науке, медицине и экономике. Голливудские фильмы собирают наибольшую аудиторию. Доллар — мировая расчетная единица. Международный валютный фонд, удержавший от банкротства десятки национальных экономик, имеет штаб-квартиру в Вашингтоне и подотчетен министерству финансов США.

Когда в мире возникают кризисы — будь то на Балканах, на Кавказе, в Кашмире или на Ближнем Востоке, — в

роли миротворцев выступают американские дипломаты. Практически по любой мерке — военная и экономическая мощь, технологии, стандарты жизни, культурное доминирование, социальные и политические свободы, — Америка представляет собой сегодня «золотой стандарт», ту самую «гиперсилу», на которую сетуют на Кэ д'Орсе.

Однако на ум почему-то приходит история, которую, по легенде, поведал Линкольн своим друзьям, пришедшим проводить его, когда он покидал Спрингфилд, дабы возглавить поход за воссоединение нации. Некий восточный монарх, сказал Линкольн, велел своим мудрецам отыскать слова, которые окажутся правдивыми всегда и везде. Мудрецы удалились и погрузились в размышления, а когда предстали вновь пред владыкой, они изрекли: «Все пройдет».

Давайте надеяться, прибавил Линкольн, что к Америке это не относится.

Увы, Америка не избежала общей участи. Все республики, все империи, все цивилизации рано или поздно уходят в небытие. Римская республика начала умирать в тот день, когда легионы Цезаря пересекли Рубикон, дабы провозгласить своего полководца диктатором Вечного города. Цицерон предупреждал — но толпа не слушала его, ибо ей было все равно. Четыреста лет спустя гот Аларих перевалил через Альпы, и его орды похоронили величайшую империю в истории человечества.

Что погубило Рим? Утрата веры в старых богов и старинные добродетели? Упадок аристократии? Развращение народа «хлебами и зрелищами»? Разнузданные безумства распутных императоров? Войны, в которых было растрачено имперское золото? Сокращение рождаемости? Нарастающая иммиграция варваров, не испытывавших любви ни к римской культуре, ни к римской истории? Пороч-

ная практика «разбавления» римских легионов иноземными рекрутами?

Все это — лишь симптомы неотвратимой кончины. А в чем же причина?

Император Юлиан Отступник, герой гиббоновского «Упадка и разрушения Римской империи», верил, что Рим не переживет предпринятой Константином христианизации, каковая подменяла воинские доблести принципом «возлюби ближнего своего». Империя не в состоянии пережить утрату древней языческой веры. Когда умирает религия, культура и взросшая на ней цивилизация также умирают. И в самом деле — когда Рим готов был пасть под ударами варваров, священники выходили к городским воротам и молили о пощаде личностей вроде гунна Аттилы.

В наше время империи рушатся буквально на глазах. Двадцатое столетие оказалось настоящим кладбищем империй. Австро-Венгерская, Германская, Российская и Оттоманская сгнули в пламени Первой мировой. Империя Восходящего солнца закатилась в 1945 году. Британская империя, охватывавшая четверть территории земного шара и пятую часть его населения, сгнула через четверть столетия после своего «наивысшего пика» в 1940 году. Советская империя, протянувшаяся на двенадцать временных зон, от Берингова пролива до Эльбы, с форпостами в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и даже на Карибских островах и в Центральной Америке, развалилась вследствие утраты веры в 1989 году. Она была последней из великих империй двадцатого века. Все исчезли, уцелела только Америка.

В поезде, который нес его в 1946 году в Фултон, где ему предстояло произнести свою знаменитую речь о падении «железного занавеса», Черчилль мрачно признался своему американскому спутнику: «В следующей жизни я хотел бы

родиться в Америке. Ваша страна — это будущее мира. Великобритания миновала свой зенит».

Удивительное признание в устах человека, олицетворявшего собой британский патриотизм! Тем не менее чувства великого политика вполне понятны. Ведь Черчилль занимал пост Первого лорда Адмиралтейства, когда империя находилась в самом расцвете, и воочию наблюдал из-за штурвала, как грандиозный корабль начинает тонуть. Историки выискивают причины краха Британской империи в девятнадцатом столетии. Некоторые утверждают, что к крушению индустриальной державы привела свобода торговли: Британия в двух мировых войнах заплатила чертовски высокую цену за свою повседневную зависимость от импорта.

В конце девятнадцатого века Великобритания как будто приняла тезис «Богатство в деньгах» и признала финансовое превосходство более актуальным, нежели промышленная мощь. Дабы поддержать мировую торговую систему своего собственного изготовления, Британия жертвовала национальными интересами — равно как и мы, американцы, кладем свои национальные интересы на алтарь современного Молоха, глобальной экономики.

Впрочем, если потребуется назвать одну-единственную причину краха Британской империи, ответ будет прост: война. Англо-бурская война была британским Вьетнамом. Она повлекла за собой утрату веры в превосходство англосаксонской цивилизации и распространение еретической идеи о том, что Британская империя, отрицавшая за «цветными» чувство человеческого достоинства и готовность к самопожертвованию, уже не является морально оправданной.

Затем Британия на десятилетие (с 1914 по 1918 и с 1939 по 1945 год) оказалась втянутой в кровопролитную смер-

тельную схватку с наиболее могущественной сухопутной державой Европы. В обеих войнах Британия сражалась в одиночку с первого и до последнего дня. В 1945 году она вышла из войны кровоточащей, разоренной, изможденной, едва живой. Ей предстояло распрощаться с имперскими амбициями, впасть в социалистические иллюзии, принять план Маршалла и уступить пальму первенства в принятии важнейших геополитических решений для Европы и мира в целом Америке. К концу последнего премьерства Уинстона Черчилля (а он начинал с члена теневого кабинета в 1911 году) Британия представляла собой лишь тень былого величия.

Год спустя бывшей империи пришлось вытерпеть небывалое унижение. В годы войны генерал Эйзенхауэр подчинялся приказам Черчилля; став президентом, Эйзенхауэр приказал преемнику Черчилля Энтони Идену оставить Суэц — и пригрозил в случае неподчинения обрушить курс фунта стерлингов. После чего Америка фактически отпихнула Британию и примерила на себя имперскую тогу. К моменту смерти Черчилля (1965) от империи, над которой никогда не заходило солнце, не осталось и следа.

Как замечает политик-лейборист сэр Рой Денэм:

«В начале двадцатого столетия Британия как центр крупнейшей мировой империи пребывала в зените могущества и славы. Конец же столетия Британия встречает в качестве малой державы, лишившейся своей империи... На деле сегодня она занимает немногим более почетное место, чем Швейцария. Со времен падения Испании в семнадцатом веке упадок Британии — величайший в мировой истории».

Британский историк А. Дж. П. Тэйлор писал: «Хотя целью Великой Нации является победа в Великой Войне, единственный способ уцелеть в прежнем качестве заклю-

чался в том, чтобы не воевать». В Первой мировой потере Британии составили 720 000 человек, во Второй мировой она потеряла еще 400 000 человек; иными словами, за десятилетие войн Британия пролила кровь храбрейших и достойнейших своих сыновей и растратила все богатства империи.

Америка же воздерживалась от участия в мировых войнах дольше любой другой державы и потому понесла значительно меньшие потери. Лишь спустя четыре года после того, как англичане, французы, немцы и русские принялись уничтожать друг друга со скоростью шесть тысяч человек в день, brave янки высадились в Европе и переломили ход войны на Западном фронте — всего за полгода до заключения мира. Лишь спустя четыре года после того, как Гитлер оккупировал Францию, у берегов Нормандии замаячили американские транспорты — ровно за одиннадцать месяцев до «дня V». В обеих мировых войнах мы вели себя как Фортинбрас в «Гамлете» — являлись в финальной сцене, к шапочному разбору, вступая в залитый кровью тронный зал, чтобы принять бразды правления.

В годы «холодной войны» Америка сумела избежать схватки с Советским Союзом, схватки, которая грозила нам большим хаосом и разрушениями, нежели те, которые причинили Британии мировые войны. Мы — последняя сверхдержава, поскольку мы практически не участвовали в грандиозных сражениях двадцатого столетия, вступали в них, когда они близились к завершению, и пострадали поэтому значительно меньше остальных.

Однако с окончанием «холодной войны» наша элита принялась тщательно и словно преднамеренно копировать все ошибки британского правящего класса, приведшие империю к гибели, — от высокомерной похвальбы до отпугивания союзников и до развязывания имперских по

своей сути войн в регионах, где национальным интересам США никогда и ничто не угрожало. Отвергая мудрый совет Джона Куинси Адамса, Америка вышла за пределы своих границ в поисках чудовищ, подлежащих уничтожению.

На протяжении полутора столетий Америка придерживалась вашингтоновского принципа: «Не заключать постоянных союзов». Ныне мы имеем на руках договоры с пятьюдесятью государствами на пяти континентах, а наши гарнизоны размещены в сотне стран. Около 150 000 американских солдат ведут бесконечную войну в Афганистане и Ираке. Доведись Соединенным Штатам столкнуться с серьезным кризисом в какой-либо другой точке земного шара, банкротство нашей внешней политики мгновенно станет очевидным для всех...

Численность коренного (в современном значении) населения Америки перестала увеличиваться. Уровень рождаемости упал ниже уровня воспроизводства. Прирост населения США ныне обеспечивается иммигрантами, легальными и нелегальными, из Азии, Африки и Латинской Америки. Религиозный, этнический и расовый состав населения страны, которую традиционно считали чадом Европы, меняется гораздо быстрее, чем это когда-либо происходило в мировой истории — в эпоху, когда вопросы расовой принадлежности, этноса и веры раздирают государства в клочья. Плавильный котел утратил свою магию. Новоприбывшие не желают ассимилироваться. Мы превращаемся в то, против чего предостерегал еще Теодор Рузвельт, — в «многоязычный пансион для целого мира».

Все социологические опросы показывают, что американцы требуют перекрытия каналов нелегальной иммиграции и сокращения иммиграции легальной. Однако президент и Конгресс отказываются исполнять свои конституционные обязанности и защищать Соединенные Штаты от фактического иноземного вторжения.

Начальное и среднее образование в США представля- ют собой злую пародию на образование. Результаты тес- тов ухудшаются на протяжении десятилетий и не идут ни в какое сравнение с результатами в других развитых стра- нах. В наших университетах уровень невежества поистине скандальный, студенты ничего не знают об истории стра- ны, а большинство специалистов в точных науках прибы- вает к нам из-за рубежа.

Поневоле возникают зловещие ассоциации с Римом: упадок религии и морали, развращение класса деловых людей, деградация и разрушение культуры... Многие из старинных церквей Америки ныне опустели. Католиче- скую церковь, наиболее многочисленную по числу прихо- жан, раздирают склоки, ересь и откровенное неверие.

Мы потеряли Америку — быть может, навсегда. Когда и как это произошло, где мы сбились с пути? Как Амери- ке отыскать дорогу к той конституционной республике, ка- кой она была некоторое время назад? Или же в нас говорит ностальгия, а старая республика канула в небытие навеки?

Я не верю, не могу принять как данность тот факт, что старая республика не подлежит восстановлению. Наши ро- дители сумели справиться с Великой депрессией и выдер- жать страшнейшую войну в истории человечества, не под- давшись страху и отчаянию; наше поколение выстояло в длившейся сорок лет «холодной войне», а грядущее поко- ление сможет, если ему достанет знаний и решимости, воз- родить старую республику. И поддержать нас.

«Вест-Пойнтская доктрина»

Когда в 1989 году, с падением Берлинской стены, Со- ветская империя стала распадаться, сделалось очевидным, что конец «холодной войны», определявшей миссию Аме-

рики в мире, уже не за горами. Американцы встали перед необходимостью разработки новой внешней политики. Оуэн Харрис пригласил автора этих строк принять участие в симпозиуме по вопросу о роли Америки в мире после «холодной войны», вместе с неоконсерваторами Джином Киркпатриком, Беном Уоттенбергом и Чарльзом Краутхаммером.

Киркпатрик, бывший представитель США в ООН, выразил надежду на то, что мы вновь станем теми, кем были до растянувшихся на столетия «горячих» и «холодных» войн 1939–1989 годов: «Времена, когда американцам приходилось нести столь тяжкое бремя (как „холодная война“), миновали. С возвращением к нормальной жизни мы вновь можем стать нормальной страной — и озаботиться насущными проблемами образования, семьи, промышленного и технологического развития».

Уоттенберг полагал, что Америке не стоит запирается в «домашних стенах»; наоборот, она должна как можно скорее начать «глобальную кампанию» по установлению демократии во всем мире.

Картина, нарисованная Краутхаммером, была еще более грандиозной. «Стремлением Америки должна стать интеграция с Европой и Японией внутри сверхсуверенного образования, которое будет экономическим, культурным и политическим гегемоном в мире». Старой республике надлежало раствориться в этом новом образовании.

«Новый универсализм, — по словам Краутхаммера, — потребует сознательного отказа не только от американского суверенитета, но и от суверенитета как такового. Звучит шокирующе, но на самом деле все не так страшно».

Для многих откровения Краутхаммера и вправду оказались шокирующими. Оправившись от потрясения, вызванного предложением об отказе от национального суве-

ренитета ради тройственного сверхгосударства, я ответил Краутхаммеру статьей «Америка во-первых, во-вторых и в-третьих». В этой статье я защищал антиинтервенционистскую внешнюю политику, коренящуюся в нашей истории, традициях и мудрости отцов-основателей. С завершением «холодной войны», лишившись могучего соперника с чуждой идеологией, мы вполне могли бы вернуться к традиционной внешней политике, блюдущей наши национальные интересы.

В рамках этой политики Америке следовало бы отказаться от союзов времен «холодной войны» и сложить с себя обязательства по защите союзников от прекратившей свое существование советской угрозы. Нам следовало бы снять силки, расставленные Даллесом и Ачесоном по всему миру и сулившие вовлечь нас в любую грядущую заварушку в Азии, Европе и на Ближнем Востоке — несмотря на то, что в этих регионах жизненным интересам США более ничто не угрожало. Я назвал такую политику «просвещенным национализмом» и призывал к осторожности, прежде всего — к недопущению вильсоновских по духу крестовых походов за глобальную демократию, уже в ту пору провозглашенных в качестве новой американской миссии в мире.

«С окончанием „холодной войны“ мы должны беспристрастно взглянуть на окружающий нас мир, всегда готовый найти повод, чтобы потратить средства и силы США на крестовые походы и войны, имеющие мало общего с подлинными национальными интересами Соединенных Штатов.

Нас заманивают прежде всего демократическими иллюзиями, поклонением демократии как форме правления и неумным стремлением причастить весь мир этой вере — либо объяснить, почему кто-либо не желает причаститься. Как и любое идолопоклонство, демократизм вы-

дает ложного бога за истинного, подменяет любовь к стране любовью к процессу».

Статья завершилась такими словами: «Подлинных национальных интересов США не найти в гегемоническом, утопическом мировом порядке».

Эта статья увидела свет зимой 1990 года. В августе того же года Ирак вторгся в Кувейт и объявил его территорию своей девятнадцатой провинцией. По мнению иракского руководства, была восстановлена историческая справедливость: ведь Кувейт от Ирака отделил Черчилль, когда обе страны после Первой мировой войны находились под британским мандатом. «Не бывать этому!» — гневно воскликнул Джордж Г. Буш-старший. Благодаря Ираку наш сорок первый президент обрел свое призвание.

Мастерскими дипломатическими действиями он создал могучую коалицию арабских стран и государств — членов НАТО. Опираясь на финансовую помощь Германии и Японии, поддержку Совета безопасности ООН, одобрение Конгресса, штыки английских, французских, египетских, сирийских и саудовских солдат, выступивших заодно с американцами, Буш объявил о начале операции «Буря в пустыне». После пяти недель воздушных налетов сухопутным силам США понадобилось всего сто часов, чтобы изгнать иракскую армию из Кувейта и оттеснить ее по «шоссе смерти» к Басре и Багдаду.

К концу военной операции действия президента Буша одобряли 90 процентов американцев. А в октябре 1991 года он выступил в ООН и заявил, что не собирается возвращать американские войска домой, но планирует начать крестовый поход за установление «нового мирового порядка». Соединенные Штаты, сказал президент, возглавят объединенные нации в борьбе за наказание агрессоров и поддержание мира.

Так человечество узнало о новой миссии Америки. При этом с американским народом, которому предстояло кровью и собственными доходами бесконечно платить за ответственность имперской роли, никто не посоветовался.

Будучи избран как наследник Рейгана, президент Буш отказался от рейгановской философии — рейганомики, как ее стали называть. Он твердо вознамерился израсходовать средства и силы Америки на вильсоновские по духу попытки превратить Америку в мирового полицейского. Это не консерватизм. И потому 10 декабря 1991 года я выступил против политики Буша и заявил в конце своего выступления в Нью-Гемпшире:

«Джордж Буш доблестно сражался в величайшей из войн Америки. Он — человек чести, мужественный и благородный, отдавший полжизни служению стране. Но расхождения между нами слишком глубоки... Он глобалист, тогда как мы — националисты. Он готов растратить материальное и духовное богатство Америки на сражения за некий новый мировой порядок; для нас Америка стояла и будет стоять на первом месте».

Десять недель спустя я получил 37 процентов голосов против 51 процента у Буша. На следующий день в предвыборную борьбу включился Росс Перо, и через восемнадцать месяцев после парада в честь победы в войне в Заливе на Констительюшн-авеню главнокомандующий лишился своего поста, получив наименьший процент голосов со времен Уильяма Говарда Тафта в 1912 году. Однако Буш не преминул оставить наследство. Он открыл Америке дорогу к имперскому будущему. Между днем, когда он принес клятву, и днем, когда его сын вступил в Белый дом, Соединенные Штаты вторглись в Панаму, организовали интервенцию в Сомали, оккупировали Гаити, расширили НАТО до границ России, создали протектораты в Кувейте и Бос-

нии, семьдесят восемь дней бомбили Сербию, захватили Косово, приняли политику «двойного сдерживания» в отношении Ирака и Ирана и отправили тысячи солдат топтать саудовскую почву, священную для всех мусульман. В своей книге 1999 года «Республика, а не империя» я доказывал, что реакция неизбежна:

«Соединенные Штаты безоглядно проводят неоимпериалистическую политику, которая неизбежно вовлечет нас в любой сколько-нибудь значимый конфликт грядущего столетия — а ведь войны несут гибель республикам... Если мы не сойдем с этого курса „последовательных интервенций“, наши враги однажды обратятся к оружию слабых — террору и со временем нанесут террористические удары по территории США. И тогда сама свобода, суть республики, окажется под угрозой».

В 2000 году, будучи кандидатом «партии реформ», я повторил свое предостережение:

«Наши постоянные игры с огнем не могут не привести к пожару... Разве нам недостаточно уроков прошлого — от взрыва рейса Pan-Am 103 и бомб во Всемирном торговом центре в 1993 году до террористических актов против наших посольств в Найроби и Дар-эс-Саламе? Разве еще кому-то непонятно, что интервенционизм — инкубатор терроризма? Или требуется катастрофа на территории США, чтобы наши политики, увлеченные играми, осознали опасность имперских амбиций? Америка сегодня стоит перед выбором. Мы можем стать гарантом мирового порядка и безопасности — или мировым полицейским, который усмиряет непокорных. Если выберем второе, рано или поздно нас ожидает кровавая стычка, с которой мы не сможем справиться».

И 11 сентября 2001 года «катастрофа на территории США» произошла.

Ужаснувшаяся и шокированная, Америка потребовала возмездия — и Джордж У. Буш откликнулся на это требование. Не менее эффективно, чем его отец, он составил коалицию против талибских последователей Усамы бен Ладена. Он заручился согласием президента Путина на размещение американских контингентов в бывших советских республиках Узбекистан и Туркменистан, получил разрешение президента Мушаррафа на переброску американских солдат в Пакистан, пассивную поддержку Ирана и Китая и активную помощь НАТО. После того как американские агенты составили списки подразделений Северного альянса, участвующих в операции, и подкупили недовольных пуштунов, Буш приказал уничтожить «Талибан» и изгнать «Аль-Каиду» из Афганистана. Через три месяца война закончилась.

Затем Буш принялся раздвигать границы империи и намного превзошел достижения своего отца и Билла Клинтона. Сегодня американские войска базируются в Грузии, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане, США ведут переговоры по размещению своего контингента в Азербайджане. Но пускай Россия, Иран и Китай одобрили операцию по искоренению «Талибана», они никогда не согласятся на постоянное военное присутствие США в сердце Азии, куда не проникли даже англичане в пору наивысшего могущества Британской империи.

В обращении к выпускникам военной академии Вест-Пойнт 2 июня 2002 года Буш тем не менее не остановился на достигнутом. Он сформулировал новую миссию вооруженных сил США в «постсентябрьском» мире:

«Устремления нашей нации всегда выходили за пределы наших границ. Мы сражаемся, как сражались всегда, за справедливый мир — за мир, в котором главенствует свобода человека. Мы будем защищать этот мир от угроз со

стороны террористов и тиранов. Мы будем сохранять этот мир, выстраивая дружеские отношения с другими великими державами. И мы будем распространять этот мир, поощряя возникновение свободных, открытых обществ на всех континентах».

Утверждая за Америкой право «распространять мир», президент принял на себя глобальную миссию, которую не осмеливался взвалить на свои плечи ни один из его предшественников. Кстати сказать, если отбросить вильсоновскую риторику, Америка никогда не вела войн во имя столь призрачной ценности, как «мир, в котором главенствует свобода человека».

Все войны, в которых участвовала Америка, велись ею ради достижения сугубо американских целей. Мы устроили революцию, чтобы сбросить британское иго; мы сражались в войне 1812 года, ибо Королевский флот отказался уважать права наших моряков, а «ястребы войны» увидели возможность отобрать Канаду у ненавистных англичан. Мы вторглись в Мексику, чтобы удержать Техас и присвоить Калифорнию. Линкольн развязал гражданскую войну ради сохранения Союза североамериканских штатов. Мы воевали с Испанией, потому что хотели изгнать испанцев из нашего полушария. Начавшаяся с освобождения Кубы, война 1898 года завершилась как война колониальная — оккупацией Филиппин и утверждением Американской империи на Тихом океане.

Мы вступили в Первую мировую войну, потому что кайзер отказался признать наш нейтралитет и начал торпедировать наши корабли, доставлявшие припасы его врагам. Мы участвовали во Второй мировой, потому что на нас напали в Перл-Харборе. Мы сражались в Корее и во Вьетнаме, чтобы не допустить подпадания этих стран под влияние коммунистической империи, чьей целью было уничто-

жить нашу страну и наш образ жизни. Мы вступили в войну в Заливе, чтобы изгнать оккупантов-иракцев из Кувейта и сохранить кувейтскую и саудовскую нефть в руках дружественных нам правителей.

Выступая в Вест-Пойнте, президент Буш фактически отверг как устаревшие доктрины сдерживания и устрашения, которые принесли нам победу в «холодной войне», и вновь высказался в поддержку политики предупредительных войн:

«Сдерживание невозможно, когда оружие массового поражения попадает в руки неуравновешенных диктаторов, которые могут снарядить этим оружием ракеты или втайне передать его своим союзникам-террористам... Если мы будем ждать, пока угроза материализуется полностью, окажется, что мы ждали слишком долго.

Войну с терроризмом не выиграть оборонительной тактикой. Мы должны перенести боевые действия на вражескую территорию, разрушить планы врага и устранить угрозу до того, как она успеет материализоваться. В новых условиях единственная дорога к безопасности — это дорога действий. И наша страна будет действовать».

В отношении террористов президент, безусловно, прав. Никакие меры предосторожности не остановят террориста-самоубийцу, решившего пожертвовать своей жизнью ради того, чтобы направить авиалайнер на Всемирный торговый центр. Но в отношениях с другими государствами политика сдерживания и устрашения еще никогда нас не подводила. Мы сдержали Сталина и Мао, хотя оба они обладали колоссальными ядерными арсеналами.

Тем не менее, по мнению президента Буша, с «неуравновешенными диктаторами» наших дней политика сдерживания уже не гарантирует безопасности. Но почему? В конце концов, ни один из режимов, причисленных к врагам Америки, не напал напрямую на Соединенные Штаты.

Президент также изложил «доктрину Буша» в ее новом варианте, присвоив США право не допускать, чтобы какая-либо страна сумела достичь такого уровня развития, на котором она могла бы бросить вызов стратегическому превосходству Соединенных Штатов:

«Соперничество между великими державами неизбежно, но вооруженных конфликтов всегда можно избежать... Америка располагает неоспоримым военным перевесом, который она намерена сохранять и впредь. Этот перевес лишает смысла дестабилизирующую гонку вооружений, свойственную предыдущим эпохам, и ограничивает соперничество между странами сферами торговли и других мирных занятий».

Поразительно! Президент Буш открытым текстом сообщил Пекину, Москве и Дели: вы можете конкурировать с нами в торговле, но мы не позволим вам стать настолько сильными, чтобы вы смогли бросить вызов нашему превосходству.

Это декларативное заявление — мы не потерпим соперничества, в будущем есть место только одному гегемону, и им будет Америка, — представляет собой перчатку, брошенную в лицо всем реальным и потенциальным конкурентам, и вызов малым странам, которым не остается ничего другого, как объединяться против нас. Проводя Великобритания такую политику в девятнадцатом столетии, английскому парламенту пришлось бы принять закон, по которому Королевский флот получал бы полную свободу действий, дабы не допустить возрастания морской мощи Соединенных Штатов.

Представитель фонда Гувера Тод Линдберг назвал заявление Буша о перманентном превосходстве США «отрезвляющим, если не пугающим».

Но президент еще не закончил. Там же, в Вест-Пойнте, он продолжил:

«Все государства, причастные к терроризму и агрессии, дорого за это заплатят. Мы не оставим мир на планете на откуп кучке обезумевших террористов и тиранов. Мы избавим нашу страну и весь мир от этой угрозы».

Давайте разберемся, что именно сказал президент. Всякий акт агрессии, где бы он ни был совершен, обернется возмездием со стороны США; всякий террористический акт повлечет за собой наши действия. Поскольку мы несем ответственность за «мир во всем мире». И мы избавим человечество от угрозы терроризма и тирании. Но разве под силу такое какому-либо государству?..

Но Буш все еще не закончил.

«Моральные ценности едины для всех мест, всех времен и всех культур», — заявил он. Но когда одна страна из 190 присваивает себе право определять мораль всех народов во все времена и пытается утвердить свои ценности для всего человечества — это моральный империализм, неизбежно влекущий за собой катастрофы и трагедии.

В нашей наихристианнейшей из стран секс до брака, гомосексуальные союзы и аборт считаются морально допустимыми с точки зрения культурной элиты. Исламские же общества признают их недопустимыми. И кто, по мнению президента Буша, прав? В Организации Объединенных Наций христиане объединяются с мусульманами, чтобы противостоять американским и европейским прогрессистам. И кто, по мнению президента, занимает сторону «моральных ценностей»? Если последние и вправду едины «для всех мест, всех времен и всех культур», почему люди расходятся во мнениях относительно этичности того, что мы учинили в Гамбурге и Дрездене, Хиросиме и Нагасаки?

«Мы — участники конфликта между добром и злом, и Америка откроет миру истинных злодеев», — пообещал президент Буш кадетам. Но в нашем манихейском мире кто олицетворяет зло в Чечне, на Шри-Ланке, в Кашмире? В войне против «злодеев» на чьей стороне Пекин? В Афганистане Америку поддерживали Иран, Пакистан и Северный альянс во главе с полководцами, повинными в массовых убийствах. Во Второй мировой войне нашим союзником был Сталин, в войне в Заливе — Хафез Асад, в «холодной войне» — иранский шах и генерал Пиночет. Америка восторжествовала, запихнув «моральную чистоплотность» на дальнюю полку и подбирая союзников без слишком пристального изучения списка их прегрешений перед человечеством. Действовали ли мы аморально?

В Рейгановской библиотеке в ноябре 1999 года кандидат в президенты Буш отрекся от хвалебной риторики администрации Клинтона, вещавшей во всеуслышание о нашей «важнейшей» нации. «Давайте проводить такую внешнюю политику, которая будет отражать американский характер, — заявил Буш. — Скромность истинной силы. Смирение истинного могущества. В этом заключается американский дух. И именно он станет духом моей администрации».

В предвыборных дебатах против Эла Гора Буш говорил: «Один из способов превратиться в глазах окружающих в „грязных американцев“ состоит в том, чтобы бродить по миру и поучать — мол, мы делаем так, и вы повторяйте за нами... Соединенным Штатам нужно быть скромнее... скромнее в своих взаимоотношениях с другими странами, которые развиваются собственным путем».

Таков был консерватор, которого нация выбрала президентом.

Но в Вест-Пойнте скромность уступила место наглости: «Двадцатый век завершился, и мы видим, что в мире сохранилась одна-единственная модель развития. Исламский мир... должен осознать необходимость свободы».

По замечанию Тода Линдберга, перед нами «основополагающий документ нового мирового порядка с Америкой во главе и насаждением свободы в качестве важнейшей цели. Вы слышали о доктрине Монро? Выступление президента перед кадетами Вест-Пойнта с изложением доктрины насильственной свободы войдет в историю как нечто не менее знаменательное».

Под «свободой» президент подразумевал американскую концепцию свободы. Право поклоняться богам, которых мы сами выбрали, право писать все, что захотим, говорить все, что пожелаем, право жить, как нам нравится. Однако само слово «ислам» означает «подчинение» — подчинение воле Аллаха. Мусульмане запрещают христианским миссионерам проповедовать в своих землях. В некоторых исламских странах попытка обратить мусульманина в иную веру карается смертью. Миллионы людей отвергают тезис об отделении церкви (мечети) от государства. Шарият — исламские правила поведения в повседневной жизни — должен, по убеждению миллионов мусульман, стать единым сводом законов для всех исламских стран. Вспомним реакцию мусульман по всему миру на кощунственные «Сатанинские стихи» Салмана Рушди.

Если президент Буш полагает наше общество «единственной сохранившейся моделью развития» и считает, что наше представление о свободе «должно быть осознано исламским миром», мы движемся к бесконечным войнам с исламским миром, в котором вера становится все более воинственной, а люди все громче возмущаются социальным, культурным и нравственным упадком, который для них олицетворяют Америка и Запад.

«Мы будем защищать мир, который обеспечит нам прогресс», — сообщил президент кадетам.

Однако в присяге вооруженных сил США нет упоминания о защите «мира, который обеспечит нам прогресс». Присяга требует защиты конституции Соединенных Штатов. Но президент утверждает, что вооруженные силы США, численностью 1,4 миллиона человек, отныне ответственны за искоренение терроризма, уничтожение тирании, сохранение «мира во всем мире» и недопущение какого бы то ни было соперничества с нами — поскольку нам, американцам, принадлежит единственная дорога к «прогрессу человечества».

«Стратегия национальной безопасности»

21 сентября 2002 года Белый дом опубликовал документ в тридцать три страницы, озаглавленный «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов»; этот документ представляет собой кодификацию идей, высказанных президентом Бушем в Вест-Пойнте. Взаимоотношения со странами-изгоями, стремящимися приобрести оружие массового уничтожения, должны, по этому документу, строиться в полном соответствии со следующим положением из выступления Буша: «Мы живем в новом мире, где единственным путем к миру и безопасности является путь действия... Мы будем действовать в одиночку, если придется, осуществляя свое право на самозащиту через предупредительные акции».

В документе о стратегии национальной безопасности (далее для краткости СНБ) говорится:

«Сдерживание с меньшей вероятностью окажется эффективным против лидеров стран-изгоев, готовых риско-

вать, играющих жизнями своих подданных и богатствами своих государств...

Наши враги рассматривают оружие массового уничтожения как „оружие отбора“. Для стран-изгоев это оружие служит средством запугивания и военной агрессии против соседей. Данное оружие позволит этим странам шантажировать Соединенные Штаты... дабы помешать нам сдерживать агрессивное поведение стран-изгоев и принимать иные адекватные меры».

Но ведь политика сдерживания доказала свою эффективность! Исключение лишь одно — Корея, где Сталин и Ким Ир Сен посчитали, что мы не будем вмешиваться: во всех остальных случаях эта тактика себя оправдала. Ни одна страна-изгой никогда не нападала на Соединенные Штаты, опасаясь неизбежного и, скажем так, массивного возмездия...

СНБ практически дословно воспроизводит предостережение Буша: всякое государство, стремящееся к соперничеству с нами, рискует оказаться в состоянии войны с Америкой. «Наши силы достаточно велики для того, чтобы убедить потенциальных противников в бесперспективности наращивания военной мощи в надежде превзойти военную мощь Соединенных Штатов или хотя бы сравняться с ней».

Это имперский эдикт сверхдержавы, кичащейся собственным превосходством и стремящейся стать вечным лордом-протектором вселенной. Но против кого направлена эта угроза? Единственные сверхдержавы, претендующие на соперничество с США, — это Китай и Россия. Можно предположить, что СНБ тщательно изучили и в Пекине, и в Москве.

Историк из Йельского университета Джон Льюис Гэддис пишет:

«Не было ничего подобного этой дерзости, этому размаху, этой перспективе с тех самых пор, как американцы более полувека назад приняли на себя бремя демократизации Германии и Японии, тем самым запустив процесс, остаться в стороне от которого сумели лишь немногие, в том числе мусульманский Ближний Восток».

Эндрю Бацевич, специалист по международным отношениям из Бостонского университета, рассуждая о стратегии национальной безопасности, восхищается «...Документ читается так, словно он составлен не трезвомыслящими, закосневшими в своем консерватизме республиканцами, а неким гибридом президента Вудро Вильсона и фельдмаршала фон Мольтке-старшего».

Трумэн ввел политику сдерживания в употребление 12 марта 1947 года: именно в этот день он заявил, что Соединенные Штаты придут на помощь Греции и Турции, где произошли инспирированные Москвой мятежи. Свою речь он завершил знаменитой фразой: «Я полагаю, что Соединенные Штаты должны поддерживать свободных людей, которые сопротивляются попыткам отобрать у них свободу со стороны вооруженного меньшинства или давления извне». Такова была доктрина Трумэна: сдерживать распространение коммунизма, оказывая помощь воюющим народам на границах коммунистической империи.

Опираясь на доктрину Трумэна, мы отправились в Корею. Эйзенхауэр использовал эту доктрину на Ближнем Востоке. Та же доктрина усилиями Джона Ф. Кеннеди и Линдона Б. Джонсона привела нас во Вьетнам. Доктрина Рейгана представляла собой стратегию «отбрасывания»; применяя эту стратегию, США помогали антикоммунистическим режимам и сражались с вассальными режимами Советов на рубежах империи — в Никарагуа, Анголе и Афганистане.

Консерваторы считают, что Рейган и его доктрина сыграли решающую роль в победе Америки в «холодной вой-

не». Тем не менее Рейган никогда не присваивал Америке права наносить превентивные удары или вести предупредительные войны с государствами, не нападавшими на Соединенные Штаты.

К превентивным ударом часто прибегали государства-агрессоры — например, Япония в 1904 году в Порт-Артуре и в 1941 году в Перл-Харборе или гитлеровская Германия в 1939 году в Польше. Либо подобная тактика становилась уделом государств, которые не могли позволить себе проиграть войну, — например, Израиль в Шестидневной войне 1967 года. Но американцы никогда превентивными ударами не пользовались.

Специалист по международной политике Уолтер Рассел Мид сказал о стратегии национальной безопасности Джорджа У. Буша, что она «в нашем мире после „холодной войны“, вероятнее всего, сохранится в качестве основополагающего элемента американского мышления». Все возможно; но, на мой взгляд, вывод, вытекающий из этой стратегии, окажется той самой эпохой, которую историк Гарри Элмер Барнс назвал «эпохой перманентной войны за перманентный мир».

Возродить идею Джефферсона!

Таков установленный порядок вещей, что, когда государство достигает зенита своего могущества и становится опасным для человечества, оно неизбежно утрачивает мудрость, справедливость и умеренность, а наряду с этим оно также теряет и свое могущество, которое, впрочем, может вернуться, если будут восстановлены указанные добродетели.

Если попробовать описать нынешнее состояние государства одним словом, этим словом окажется «нежизнеспособность». Нам не под силу текущие уровни расходов на здравоохранение и социальное обеспечение, которые влекут страну к финансовому краху. Мы не можем допустить массовой иммиграции, легальной и нелегальной, не превратив Америку в новый Вавилон, где смешаются люди всех цветов кожи, всех языков и всех вероисповеданий, имеющие между собой мало общего. Мы не в состоянии нести бремя превентивных ударов против стран-изгоев, дабы не допустить появления у них оружия массового уничтожения, и нам не выстоять под бременем предупредительных войн с государствами, посягающими на наше превосходство, при численности армии менее 500 000 человек. Наконец, мы не можем проводить имперскую политику, имея за плечами 500-миллиардный дефицит бюджета...

Мы должны отказаться от имперских амбиций, вернуть домой наших солдат, разорвать соглашения, восходящие к временам «холодной войны». Будучи величайшей в истории человечества республикой, Америка никогда не провозглашала и не станет провозглашать своей политикой самоизоляции. Но мы должны отказаться от бесконечных интервенций. Мы должны покончить с практикой добровольного «встревания» в войны других народов, перестать защищать границы других государств и платить по чужим счетам, иначе мы проследуем путем, которым прошли до нас великие европейские империи, — и по той же причине. О кайзере Вильгельме говорили, что он не выносил, если где-либо в мире случался конфликт, а он в нем не участвовал. Подобные лидеры и их страны вечно балансируют на краю гибели. Нам следует чаще вспоминать предостережение Мэдисона:

«Из всех врагов свободы войны, по-видимому, нужно страшиться наипаче, потому что она является прародительницей всех прочих врагов. Войну ведут армии, на содержание которых требуются налоги и берутся займы, а армии, налоги и займы суть хорошо известные средства подчинения большинства меньшинству... Никакая нация не в состоянии сохранить свободу при непрерывных войнах».

Если Америка и стремится к чему-то, она стремится к свободе. В зловещем министерстве национальной безопасности, в ужесточении контроля в аэропортах и во введении системы цветových степеней угрозы мы усматриваем ущемление нашей свободы. Нам нужно возродить джефферсоновскую идею «мира, торговли и честной дружбы со всеми нациями, но обременительных союзов ни с кем не заключать»...